

На следующий день Цин Янь действительно пошел вместе с Цю Хэнянем в кузницу.

Он не сидел без дела — как раз наступала пора подводить итоги года. Нужно было разобраться с работами, сделанными в долг, и подсчитать годовую прибыль. Цин Янь достал из кузницы книги учета и занялся тщательным подсчетом, записывая все по порядку.

Его почерк кистью теперь выглядел вполне прилично, настолько, что стал почти неотличим от почерка Цю Хэняня. Однако разница все же оставалась: углы линий и размер букв у Цин Яня были чуть иными.

Утро прошло незаметно. К середине дня Цин Янь почти закончил сверку счетов. Он убрал книги учета, намереваясь вернуться домой и заняться готовкой. Но в этот момент к нему подошел Сяо Чжуан. Сев рядом, он тихо шепнул:

— Шиму, та семья снова пришла.

Услышав это, Цин Янь мельком взглянул на него, а затем проследил за его взглядом. У входа в лавку стояли Чжан Цзюй, Лю Юфу и Лю Сян, настойчиво заглядывая внутрь. Лицо Цин Яня сразу потемнело. Снова пришли!

Он повернул голову к Цю Хэняню и заметил, что тот тоже увидел происходящее за дверью. Но Цю Хэнянь только мельком взглянул на них и продолжил работать, словно ничего не случилось. Правда, выражение его лица стало заметно холоднее.

Цин Янь сжал губы и тихо сказал Сяо Чжуаню:

— Пойди спроси у них, что за железные изделия им нужны. Будь приветливым.

— А? — Сяо Чжуан замялся. Мальчик был не глуп — за последние дни он уже успел понять, что с Лю Сяном что-то не так, и вовсе не горел желанием подходить к ним.

Цин Янь бросил на него строгий взгляд:

— Вернешься — дам тебе две монеты на сахарные ягоды.

Сяо Чжуан, услышав это, радостно засиял и тут же вскочил, направившись к той семье.

Как только Сяо Чжуан подошел, Лю Сян сразу схватил мать за руку, топнул ногой и заплакал, пытаясь убежать. Но Чжан Цзюй его одернула, и хотя сама выглядела крайне недовольной, она остановила сына суровым взглядом. Ее глаза, устремленные на Сяо Чжуана, буквально источали ненависть.

Цин Янь, стоя спиной к двери, снова раскрыл книгу учета, притворяясь занятым. Он прислушивался к доносящимся снаружи обрывкам разговора. Вскоре шум стих — семья ушла, а Сяо Чжуан вернулся.

Цин Янь вложил две медные монеты в ладонь Сяо Чжуана и спросил:

— Что они говорили?

Сяо Чжуан взглянул на своего учителя, и, убедившись, что тот одобряет, аккуратно спрятал монеты в рукав.

— Они снова и снова спрашивали, почему в тот день я один был в кузнице, а потом начали допытываться, зачем я якобы специально обманул Лю Сяна, — Сяо Чжуан с хлопком ударил себя по ноге и воскликнул, — Да как я его обманывал?! Это он сам подошел и ни с того ни с сего начал говорить! Я все им объяснил, а Лю Сян разрыдался. Потом этот мужчина с женщиной схватили его, наговорили всякого и, ругаясь, ушли.

Цин Янь стиснул зубы. Он тоже чувствовал злость. Он не ожидал, что эта семья способна зайти так далеко, явившись в кузницу с такой наглой прямоотой, чтобы удостовериться в своих подозрениях.

Цю Хэнянь отложил инструменты и подошел к ним.

— Сяо Чжуан, в следующий раз, если увидишь эту семью, не подходи и не говори с ними. Сделай вид, будто не знаешь их.

Сяо Чжуан тут же энергично кивнул:

— Понял!

Цин Янь вздохнул:

— Надеюсь, после этого они наконец оставят нас в покое.

Цю Хэнянь поднял руку, намереваясь потрепать волосы Цин Яня, но, заметив, что Сяо Чжуан стоит рядом, вместо этого положил руку ему на плечо и слегка сжал, пытаясь успокоить.

В следующие несколько дней Цин Янь чувствовал беспокойство, поэтому большую часть времени проводил в кузнице. За это время Сяо Чжуан заметно округлился, его щеки порозовели, а пухлый вид говорил о том, что его изрядно откармливали. Даже постоянная работа с молотом, которой заставлял его заниматься учитель, не помогала.

К счастью, семья Лю больше не появлялась, и Цин Янь смог немного выдохнуть.

Спустя пару дней кузница закрылась на день. Цю Хэнянь вместе с Ван Саньяо тащили тележку, а две семьи, включая тетюшку Ли, отправились в город. Похолодало, и настало время запастись овощами на зиму.

На севере зимой свежие овощи стоят слишком дорого, и обычным семьям не по карману. Поэтому поздней осенью, когда температура падает, люди закупают впрок большое количество долгохранящихся овощей, чтобы хватило на всю зиму.

У всех трех семей покупки оказались схожими: картофель, капуста, редька, зеленый лук. Лишь Цин Янь купил меньше картофеля, так как дома у него оставалось много батата.

Кроме того, он приобрел немного листовой капусты и стеблей горчицы — это было для Цю Хэняня, который каждую осень готовил свои знаменитые квашеные овощи, от которых на языке становилось настолько смертельно кисло, что это могли выдержать лишь немногие.

До Нового года оставалось меньше двух месяцев. Пока цены еще не подскочили, Цин Янь закупил сухие продукты, которые хорошо хранятся, такие как крахмальная лапша, сушеные грибы и древесные грибы.

Их поиски заняли много времени — они заходили в каждую лавку, сравнивали цены и качество. На это ушел почти весь день. В обед они перекусили прямо на улице — купили несколько булочек с овощной начинкой и горячий куриный бульон у уличного продавца.

Когда они вернулись в деревню, сначала развезли покупки по домам. Последними разгрузили тележку у тети Ли. После этого Цю Хэнянь и Цин Янь тщательно почистили тележку и поставили ее в сарай.

Вернувшись домой, они немного отдохнули. Цин Янь отправился на кухню готовить ужин, а Цю Хэнянь вышел во двор. Он взглянул на небо, затем порубил купленный зеленый лук и сложил его у стены. После этого он достал циновку, расстелил ее на земле и аккуратно разложил купленную капусту.

Цю Хэнянь решил, что завтра, если погода будет хорошей, стоит немного подсушить овощи. Однако кур на ближайшие дни лучше не выпускать — об этом он предупредил Цин Яня. Затем он взял рыболовную сеть и оградил ею курятник, закрепив одну сторону на стенах курятника, а другую натянув с помощью двух вбитых в землю палок, создав просторный квадрат. Сетка была достаточно высокой, чтобы куры не могли вылететь, но при этом они получили достаточно места для движения.

Картофель и редьку он пока убрал в сарай — температура еще не опускалась слишком низко, поэтому они не замерзнут. Цю Хэнянь запланировал в ближайшие дни найти помощников и выкопать за домом погреб, чтобы овощи хранились еще дольше.

Он также подумал, что, когда погреб будет готов, стоит купить несколько корзин яблок, чтобы Цин Янь мог каждый день съедать одно. Это предотвратит появление трещин на уголках губ, как это случилось раньше.

Тем временем Цин Янь, готовя ужин на кухне, параллельно размышлял, что стоит в ближайшие дни сходить в лавку и заказать для Цю Хэняня две пары теплых ватных сапог, желательнее с подкладкой из меха норки. Их можно будет носить поочередно. Пусть это и будет недешево, но Цю Хэнянь когда-то сильно обморозил ноги. Хоть прошлой зимой они и вылечились, в ближайшие годы за этим нужно тщательно следить, чтобы проблема не вернулась. К тому же, перед Новым годом им точно придется отправиться в горы, и обычные ватные сапоги не выдержат длительного пребывания на холоде.

На ужин у них была каша с паровыми булочками. Цин Янь приготовил жареную стручковую фасоль с зеленым перцем и тофу, а также потушил свежескупленные стручки фасоли с небольшим кусочком свинины и добавлением топленого жира для аромата.

Хотя фасоль уже была не такой нежной, как летом, зато ее бобы были крупными и сочными. После тушения многие бобы раскрылись, пропитались свиным жиром, стали мягкими и ароматными — получился замечательный ужин.

После еды Цин Янь вымыл посуду, а Цю Хэнянь нагрел воду, налил ее в таз для мытья посуды и в небольшое ведро. Затем он взял свежескупленную листовую капусту и горчицу. Капусту он просто очистил от корней, а вот горчицу нужно было обрезать, снять кожуру и нарезать ее полосками.

Когда все было готово, Цю Хэнянь засыпал в овощи большое количество крупной соли, чтобы вытянуть из них влагу. Цин Янь, закончив мыть посуду, сел рядом и, подперев подбородок руками, наблюдал за его работой.

Цю Хэнянь заметил его взгляд, поднял голову и, встретившись с ним глазами, улыбнулся.

Глаза Цин Яня засверкали.

— Ты изменился с тех пор, как мы встретились, — сказал он. — Стал больше улыбаться.

Руки Цю Хэняня замерли, он машинально потянулся было к уголкам своих губ, но, вспомнив, что его пальцы покрыты солью, тут же опустил их. Он редко выглядел настолько неуклюжим, и Цин Янь, глядя на это, не смог удержаться от смеха. Цю Хэнянь посмотрел на него и тоже улыбнулся.

Через некоторое время из овощей выделилась влага, и Цю Хэнянь поднял ведро, чтобы слить ее, затем добавил еще немного крупной соли и достал бочку с уксусом. Он вылил в бочку большую порцию уксуса, и кислый аромат моментально наполнил комнату.

Цин Янь помахал рукой перед лицом, разгоняя воздух. Когда Цю Хэнянь закрыл крышку, Цин Янь, наконец, смог вдохнуть полной грудью.

— Все? — спросил он.

Цю Хэнянь кивнул:

— Через три-четыре дня можно будет есть.

Цин Янь наблюдал, как Цю Хэнянь переносит бочку в угол, где ее никто случайно не заденет. Его взгляд стал задумчивым.

— О чем ты думаешь? — спросил Цю Хэнянь.

Цин Янь пришел в себя. Эта необычная техника засолки напомнила ему о том, что Цю Хэнянь потерял память. Он сказал:

— Место, где тогда оглушили дядю Циня, находится в уезде. С тех пор прошло несколько лет, но не так уж много. Это оживленный район, и если потрудиться, можно найти какие-то следы тех разбойников.

Цю Хэнянь замер, обдумывая слова, и Цин Янь терпеливо ждал. Наконец, спустя некоторое время, Цю Хэнянь заговорил, тихо:

— Последнее время мне часто снятся сны.

Цин Янь предположил, что эти странные сны могут быть связаны с утраченной памятью Цю Хэняня, но также считал, что сны, скорее всего, являются символами или отражениями прошлого, а не прямыми воспоминаниями.

— Что тебе снится? — спросил он.

— Кто-то зовет меня по имени, раз за разом, — ответил Цю Хэнянь. — Говорят, чтобы я шел дальше и не оглядывался. Голосов много, одни знакомые, другие не очень.

Цин Янь нахмурился. Цю Хэнянь опустил взгляд, скрывая выражение лица, и тихо добавил:

— Они говорят, чтобы я не оглядывался. — он на мгновение замолчал. — И я действительно не хочу оглядываться.

Цин Янь кивнул, но ничего не сказал.

В поле зрения Цин Яня снова изменились буквы, которые всегда были рядом с лицом Цю Хэняня. Ранее четко различимое «личность неизвестна» стало еще более размытым, а под ним теперь едва заметно проявлялся иероглиф «𠄎» — «Чжун».

Цю Хэнянь уже решил для себя не оглядываться назад, но Цин Янь знал, что колесо судьбы продолжало неумолимо вращаться, грохоча вперед. И он, и Цю Хэнянь, хотели они того или нет, оказались вовлечены в этот неизбежный поток, где остановить движение было просто невозможно.

<http://bllate.org/book/13590/1205218>